Граф
Суворов-
Рымникский

ГРАФЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ

ЖИЗНЬ

Великаго Русскаго Полководца

Князя Италійскаго

Графа

Александра Васильевича

СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО

Генералиссимуса Россійскихъ войскъ.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собствен. домъ
1896.

Дозволено Цензурою. Москва, 4 Сентября 1895 г.

Глава I.

Родоначальникъ Суворовыхъ былъ Шведскій дворянинъ, выѣхавшій въ Россію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1622 году, и принявшій имя Сувора. Дѣти и потомки его вѣрно служили Русскимъ царямъ. Родитель нашего великаго полководца, Василій Ивановичъ Суворовъ, крестникъ Петра Великаго, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Умеръ онъ въ преклонныхъ годахъ.

У Василія Ивановича Суворова было всего только трое дѣтей: Александръ, Анна и Марія.

Будущій знаменитый полководецъ родился 13 Ноября 1729 года въ

Москвѣ; отецъ не предназначалъ его въ военное званіе. Ребенокъ онъ былъ больной, слабый, худой и казался неспособнымъ на военное дѣло, поэтому отецъ готовилъ его къ гражданской службѣ. Въ то время существовало постановленіе, изданное Петромъ Великимъ, обязовавшее каждаго дворянина поступать въ военную службу и начинать ее съ самыхъ низшихъ чиновъ. Никто не могъ уклониться отъ поступленія въ военную службу, какъ бы богатъ и знатенъ не былъ дворянинъ.

Но находили средство обойти этотъ законъ: дѣтей, иногда даже при рожденіи, записывали въ гвардію; имъ шли чины какъ бы настоящимъ служакамъ. Такой обходъ закона былъ, конечно, большимъ зломъ: несправедливо дѣтямъ знатныхъ дворянъ, жившимъ дома, да-

вать чины, которыхъ съ такимъ трудомъ добивались люди на дѣйствительной службѣ.

Отецъ Суворова, какъ человѣкъ честный и образованный, не хотѣлъ пользоваться злоупотребленіемъ, онъ желалъ видѣть въ сынѣ своемъ истинно полезнаго и знающаго слугу Царя и отечества, и поэтому не спѣшилъ записывать его на службѣ, а заставлялъ прилежно учиться.

Какъ ни трудно было въ то время получить въ Россіи хорошее образованіе, Суворовъ однако, благодаря заботамъ просвѣщеннаго отца и своимъ замѣчательнымъ способностямъ, пріобрѣлъ обширныя и разнообразныя познанія.

У Суворова съ раннихъ лѣтъ явилась страсть къ ученію. Въ то время какъ другія дѣти его возраста бѣгали и рѣзвились, онъ прилежно

сидѣлъ за книгами. Онъ легко выучился читать на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ: на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, итальянскомъ. До чего легко давались ему языки можно судить уже потому, что въ походахъ въ Турціи и Крыму онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился турецкому языку. Знаніе языковъ впослѣдствіи очень и очень пригодилось ему. Много читая, Суворовъ въ то-же время и самъ много писалъ прозою и стихами.

Но какъ ни блестящи были его успѣхи въ наукахъ и какъ ни велики были страсти къ ученію, занятія эти не удовлетворяли юнаго Суворова. Призваніе къ военной дѣятельности съ годами все сильнѣе и сильнѣе сказывалось въ немъ. Вопреки воли отца, онъ съ большей охотой занимался тѣми наука-

ми, какія нужны военному. Съ жаромъ зачитывался онъ тѣми книгами, въ которыхъ описывались дѣянія великихъ полководцевъ. Въ то-же время старался укрѣпить свои слабыя силы различными тѣлесными упражненіями, верховой ѣздой и т. д.

Отецъ видѣлъ склонность сына къ военной службѣ и думалъ, что это увлеченіе съ годами пройдетъ. Но не сбылись его ожиданія: Александръ Васильевичъ съ каждымъ годомъ все больше и больше увлекался военными науками и настойчиво просилъ отца отдать его въ военную службу. Отецъ сначала и слушать не хотѣлъ просьбъ сына, но видя, что ни совѣты, ни угрозы не помогаютъ, рѣшилъ уступить и самъ сталъ заниматься съ сыномъ военными науками.

Въ годъ восшествія Елизаветы

Петровны на престолъ, 12-лѣтній Суворовъ былъ записанъ рядовымъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ, но какъ говоритъ преданіе, поступилъ для окончанія наукъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ.

Суворовъ, уже считаясь на службѣ, пробылъ въ корпусѣ или дома еще пять лѣтъ и только на 17-мъ году перешелъ на дѣйствительную службу въ чинѣ капрала.

„Научись повиноваться, прежде чѣмъ повелѣвать другими, будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть добрымъ фельдмаршаломъ, помни, что у худаго пахаря хлѣбъ худо родится, а за ученаго двухъ неученыхъ даютъ", говаривалъ Суворовъ. Оправдывая слова на дѣлѣ, Суворовъ служилъ усердно и безропотно переносилъ всѣ тяжести солдатскаго житья. Жилъ онъ въ солдатскихъ казармахъ, былъ то-

варищемъ, другомъ солдатъ, ходилъ въ караулы; даже въ старости, уже осыпанный наградами и почестями, съ гордостью вспоминалъ, что первую награду получилъ за то, что былъ лихой солдатъ.

Однажды лѣтомъ, Суворовъ стоялъ на караулѣ въ саду у Монплезира и, не смотря на свою невзрачную фигуру, такъ ловко отдалъ честь Императрицѣ, проходившей мимо него, что она остановилась и спросила у него объ имени. Узнавъ, что онъ сынъ Василія Ивановича Суворова, который былъ ей лично извѣстенъ, вынула изъ кармана серебряный рубль и подала ему.... „Государыня! не возьму“, сказалъ ей почтительно Суворовъ — „законъ запрещаетъ солдату брать деньги, стоя на часахъ.“

— Молодецъ! отвѣчала Императ-

рица, потрепала его по щекѣ, позволила поцѣловать руку и положила рубль на землѣ, сказавъ: „Возьми, когда смѣнишься!“

Семь лѣтъ Суворовъ тянулъ солдатскую лямку, семь лѣтъ жилъ въ казармахъ, ѣлъ щи да кашу, исполнялъ всѣ работы и только на двадцать пятомъ году отъ рожденія получилъ первый офицерскій чинъ, — поручика. Сверстники его были въ это время уже генералами, но Суворовъ не завидовалъ имъ. „Я не прыгалъ съ молоду“, говаривалъ впослѣдствіи Суворовъ, — „а за то теперь прыгаю!“ прибавлялъ онъ улыбаясь.

Получивъ офицерскій чинъ, Суворовъ жилъ въ отцовскомъ домѣ и велъ уединенную жизнь, дѣля время между службой и ученіемъ. Не любилъ онъ шумныхъ собраній, бѣгалъ отъ гостей, не заискивалъ

у знатныхъ. Онъ весь отдался любимому дѣлу, совершенствуясь въ познаніяхъ, необходимыхъ для военнаго человѣка.

Отцу не нравилась нелюдимость сына. Онъ не понималъ, какъ можно въ такіе молодые года вести такой строгій, почти монашескій образъ жизни. Пробовалъ говорить съ сыномъ, уговаривалъ его не чуждаться общества, но ни какія разговоры и увѣщанія не помогали и старикъ съ горечью жаловался своимъ друзьямъ на сына.

У Суворова-отца былъ близкій другъ и сослуживецъ, генералъ Ганнибалъ, предокъ поэта Пушкина, Арапъ, купленный и крещеный Петромъ Великимъ. „Посмотри, братецъ,“ сказалъ ему однажды Василій Ивановичъ: „посмотри, зачѣмъ прячется сынъ мой отъ гостей и что онъ дѣлаетъ?“ Ганнибалъ за-

шолъ внезапно въ комнату Суворова, разговорился съ нимъ и пораженный умомъ и познаніями молодаго офицера, обнялъ его и воскликнулъ: „Еслибы живъ былъ батюшка нашъ, царь Петръ Алексѣевичъ, онъ поцѣловалъ-бы тебя въ голову и порадовался бы на тебя!" Вернувшись къ отцу, старикъ сказалъ ему, улыбаясь: „Оставь, братъ Василій Ивановичъ, сына твоего съ его гостями—онъ пойдетъ подальше насъ съ тобой!"

Вскорѣ Суворову представился случай на дѣлѣ высказать свои способности и познанія. Въ 1756 году открылась семилѣтняя война.

Въ эту войну Россія въ союзѣ съ Австріей, Франціей, Швеціей, Саксоніей и Польшей воевала противъ Фридриха Великаго, короля Прусскаго. Дѣло было такъ. — Въ только что образовавшемся тогда

государствѣ Пруссіи былъ королемъ молодой геніальный Фридрихъ II. Онъ задался цѣлью сдѣлать свое юное государство могущественнымъ, наравнѣ съ другими первостепенными европейскими государствами: Франціей и Австріей. Въ обширной Австрійской имперіи, называвшейся тогда Римскою имперіею, была императрицею Марія Терезія. На счетъ Австрійской монархіи Фридрихъ и задумалъ расширить свое юное королевство.

Былъ подысканъ предлогъ къ войнѣ и вскорѣ австрійскія провинціи одна за другою были заняты войсками Фридриха. Но тутъ возстала Франція, не желая допустить, чтобы Пруссія, овладѣвъ Австріей, разрослась до размѣровъ первостепеннаго европейскаго государства. Вскорѣ къ этому союзу присоединилась Россія; пославшая на по-

мощь Австріи значительное войско подъ начальствомъ Апраксина.

Фридрихъ не боялся Россіи. „Русскіе — орда дикарей, говорилъ онъ, не имъ сражаться со мной!“ И дѣйствительно, первое время русскіе какъ будто оправдывали слова Фридриха; австрійцы были уже разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, а наше войско все еще не готовилось къ походу. Наконецъ русское войско двинулось и при первой-же встрѣчѣ съ пруссаками одержало побѣду. Фридрихъ съ изумленіемъ говорилъ: „Русскихъ можно перебить всѣхъ до одного, но не побѣдить“.

Въ началѣ семилѣтней войны Суворовъ не участвовалъ ни въ одной битвѣ; ему, какъ расторопному и толковому офицеру, давали различныя порученія, которыя онъ выполнялъ всегда успѣшно. Не по

душѣ были такія занятія пылкому Суворову, жаждавшему боевого дѣла. Онъ рвался на поле битвы. Желаніе его наконецъ исполнилось. Первый разъ отвѣдалъ онъ пороховаго дыма въ сраженіи при Куннерсдорфѣ.

Это была страшная битва, десятки тысячъ убитыхъ остались на полѣ сраженія. Войско Фридриха было смято. Король въ отчаяніи, воткнувъ шпагу въ землю, сложивъ руки, стоялъ осыпаемый ядрами. Видя пораженіе своихъ войскъ, онъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: „Господи, неужели для меня нѣтъ ядра!“

Съ этой битвы начались повышенія Суворова по службѣ. Его храбрость, рѣшительность и зоркій глазъ были замѣчены начальниками. Выпросивъ себѣ назначеніе въ летучіе отряды, онъ совершалъ удалые наѣзды, не давая отдыха непріяте-

лю: то схватитъ непріятельскій пикетъ, то захватитъ въ плѣнъ посланный на развѣдки непріятельскій отрядъ, то уничтожитъ непріятельскіе запасы сѣна. Скоро имя его стало извѣстно непріятелю. По окончаніи войны, Суворовъ сдѣланъ былъ начальникомъ Архангелогородскаго драгунскаго полка и представленъ къ наградѣ. Начальство атестовало его, какъ отличнаго кавалерійскаго офицера, „быстраго при рекогносцировкѣ, отважнаго въ битвѣ и хладнокровнаго въ опасности".

Между тѣмъ Императрица Елизавета скончалась. Событія слѣдовали одно за другимъ съ поразительной быстротой.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ смерти Елизаветы Петровны заключено было перемиріе, а черезъ два мѣсяца объявленъ союзъ съ Пруссіей и русскій корпусъ соединился съ прус-

скими войсками. Но вотъ 28 іюня 1762 г. воцаряется Екатерина и, желая покончить ужасную войну, требуетъ общаго мира. Война кончилась и Суворовъ посланъ былъ съ донесеніями къ Императрицѣ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ произведенъ въ полковники и получилъ Суздальскій пѣхотный полкъ.

Шесть лѣтъ прошло послѣ этого назначенія, пока новыя событія не поставили Суворова на ту дорогу, по которой онъ уже быстрыми шагами пошелъ впередъ.

Глава II.

Съ воцареніемъ Екатерины II начинается слава Суворова. Занимая скромный служебный постъ, онъ не могъ конечно удовлетвориться имъ. Онъ хорошо сознавалъ свои силы и

честолюбіе геніальнаго человѣка подсказывало ему, что онъ далеко пойдетъ. Но какъ обратить на себя вниманіе, какъ выдвинуться изъ толпы? Вотъ вопросъ, съ которымъ прежде всего встрѣтился Суворовъ.

Своихъ воинскихъ талантовъ въ мирное время показать было нельзя. Что же дѣлать? Но что для обыкновеннаго человѣка было неразрѣшимымъ вопросомъ, для генія Суворова было просто и легко. Онъ хорошо зналъ человѣческое сердце и отлично понималъ, что люди падки на все необыкновенное, странное, и вотъ нашъ Суворовъ начинаетъ жить какимъ-то чудакомъ. Будучи уже въ чинѣ полковника, спитъ на соломѣ, ѣстъ солдатскія щи да кашу, зимой ходитъ безъ шубы, сторонится свѣтскаго общества и все свое время проводитъ или за книгами или въ разговорахъ съ солдатами, для ко-

торыхъ онъ былъ истиннымъ отцемъ и благодѣтелемъ. Говорилъ отрывисто, мѣшая серьезную рѣчь съ шуточками да прибауточками. Прыгалъ на одной ногѣ, пѣлъ пѣтухомъ. Иногда въ разговорѣ съ товарищами онъ поражалъ ихъ своимъ умомъ и познаніями, а затѣмъ вдругъ начиналъ кричать пѣтухомъ и, подпрыгивая на одной ногѣ, выбѣгалъ изъ комнаты. Суворовъ рѣшительно во всемъ былъ особеннымъ, не похожимъ на другихъ, человѣкомъ и немудрено, что его скоро замѣтили. Товарищи считали его умнымъ и образцовымъ офицеромъ, но великимъ чудакомъ. Слухи объ оригинальныхъ выходкахъ и чудачествахъ Суворова проникли во дворецъ, и имя страннаго офицера, соединявшаго необыкновенныя способности съ шутовскими выходками сдѣлалось извѣстнымъ самой Императрицѣ.

Вскорѣ для Суворова открылось боевое поприще, гдѣ онъ уже имѣлъ возможность обратить на себя вниманіе не чудачествомъ, а своими замѣчательными способностями.

Въ сосѣдней съ Россіею Польшѣ давно уже происходили безпорядки. Особенно сильны были они при избираніи королей, такъ какъ власть королевская не была въ Польшѣ наслѣдственная, и король избирался тамъ чаще всего силою оружія.

Вскорѣ по восшествіи Екатерины на престолъ, въ Польшѣ умеръ король Августъ III. По обыкновенію,— начались безпорядки, образовались партіи, каждая выставляла короля изъ своей среды. По настоянію Екатерины на престолъ былъ избранъ Станиславъ Понятовскій; но и отъ этого волненій не прекратились. Вскорѣ къ этому присоединились еще одно обстоятельство, подавшее по-

водъ къ рѣшительному вмѣшательству Россіи въ дѣла Польши.

Въ Польшѣ было много православныхъ, которыхъ католическое духовенство жестоко преслѣдовало. Гонимые повсюду въ Польшѣ, они обратились къ императрицѣ съ просьбой о защитѣ ихъ правъ. Императрица Екатерина велѣла своему послу въ Польшѣ настоять предъ сеймомъ (польское дворянское собраніе) о признаніи правъ православныхъ. Это было достигнуто, потому что требованія свои русскій посолъ поддерживалъ войскомъ. Екатерина поручалась за порядокъ въ Польшѣ. Но едва лишь русскія войска вышли изъ Варшавы, въ Польшѣ началось новое волненіе. Многіе изъ значительныхъ польскихъ пановъ воспротивились тому, чтобы православнымъ даны были одинаковыя права съ католиками: они захотѣли лишить ихъ

этихъ правъ. Начались вновь безпорядки. Къ этому присоединилось еще возстаніе крестьянъ Запорожской Украйны, которыхъ жестокости пановъ заставили взяться за оружіе. Польское правительство, слишкомъ слабое, не могло справиться съ безпорядками. За усмиреніе возстанія взялась Екатерина, поручившаяся за сохраненіе порядка и спокойствія въ Польшѣ. Занятая войной съ Турціей, Екатерина не могла послать въ Польшу большого войска. Но въ русскомъ войскѣ былъ Суворовъ. Произведенный передъ симъ въ бригадиры, онъ отправился съ своимъ Суздальскимъ полкомъ на помощь къ Веймарну, начальнику русскихъ войскъ въ Польшѣ. Дѣло было осенью; но что значитъ дурная дорога для Суворова: онъ въ недѣлю прошелъ болѣе тысячи верстъ и былъ въ Польшѣ. Оробѣвшій Веймарнъ звалъ его

къ себѣ, и Суворовъ, не успѣвъ отдохнуть отъ одного похода, снова пускается въ путь. Посадивъ солдатъ въ телѣги, онъ въ 12 дней достигъ Праги, проскакавъ 700 верстъ безъ отдыха, мимоходомъ усмирилъ подъ Брестомъ польскихъ бунтовщиковъ, поразивъ ихъ внезапностью нападенія. Около самаго Бреста онъ наткнулся на значительный отрядъ поляковъ. Завязался бой. Вдругъ сзади русскаго отряда показалась польская конница. „Мы сбиты“, въ ужасѣ закричалъ одинъ маіоръ. Суворовъ велѣлъ взять подъ арестъ трусливаго маіора. Ударилъ въ штыки и непріятельская конница въ разсыпную бѣжала.

Одобряя смѣлыя дѣйствія Суворова, Екатерина пожаловала его въ генералъ-маіора 1 января 1770 года.

Суворовъ сдѣлался главнымъ лицемъ въ войнѣ съ поляками. Онъ

вездѣ поспѣвалъ, и вездѣ разбивалъ непріятеля, неожидавшаго такихъ быстрыхъ набѣговъ. Онъ твердо держался правила: взглядъ, быстрота и натискъ. Черезъ многочисленныхъ шпіоновъ онъ зналъ о всѣхъ движеніяхъ поляковъ и при первомъ сборѣ поляковъ, летѣлъ съ своимъ отрядомъ и неожиданнымъ ударомъ разбивалъ непріятеля. Поляки, какъ ни старались, не могли соединиться въ виду быстрыхъ натисковъ Суворова. Во всѣхъ битвахъ Суворовъ былъ впереди всѣхъ и своей беззавѣтной храбростью воодушевлялъ солдатъ. Много разъ жизнь его подвергалась опасности, но рука Божія хранила героя. Близь Опатова онъ напалъ на отрядъ Машинскаго. Спѣша вскочить на паромъ, при переправѣ черезъ Вислу, онъ упалъ, ударился грудью о паромъ, лишился чувствъ и свалился въ воду. Одинъ

изъ гренадеровъ бросился въ воду и спасъ его. Три мѣсяца Суворовъ былъ боленъ.

Едва оправившись отъ болѣзни, Суворовъ перешелъ подъ Сандомиромъ Вислу, съ 4 ротами пѣхоты, 3 эскадронами карабинеровъ, сотней казаковъ и нѣсколькими пушками. Вотъ съ какимъ незначительнымъ отрядомъ билъ Суворовъ поляковъ. Разбивая по пути войска непріятелей и занимая города, Суворовъ дошелъ до рѣки Дунайце, гдѣ собрались значительныя силы поляковъ. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, Суворовъ первый бросился въ рѣку и перешелъ ее въ бродъ съ своимъ отрядомъ. Непріятель бѣжалъ. Одержавъ эту побѣду, Суворовъ, не отдыхая (до отдыха-ли тутъ) летитъ къ Ландскронѣ, гдѣ собрались до пяти тысячъ поляковъ. Быстрое нападеніе

смяло непріятеля, наши орлы гнали-ихъ до австрійской границы. Предводители польскіе были или убиты, или взяты въ плѣнъ. Вся Польша за Вислой была очищена. Въ Литвѣ въ это время стали стягиваться польскія войска, собралось болѣе 5000 солдатъ съ 12 пушками. У Суворова была только тысяча. Прослышавъ, что въ Литвѣ собираются значительныя силы непріятелей, онъ собралъ по дорогѣ до 700 человѣкъ изъ разныхъ отрядовъ, такъ какъ у него оставалось не болѣе 200 — всѣ остались на пути, измученные усталостью. Одинъ Суворовъ не зналъ утомленія. Слыша, что Огинскій (одинъ изъ главныхъ польскихъ начальниковъ) укрѣпился подъ мѣстечкомъ Сталовичами, ночью прошелъ Суворовъ по лѣсамъ и болотамъ, ударилъ въ тылъ Огинскому и съ крикомъ „ура“ погналъ не-

пріятеля. Но поляки вскорѣ оправились и завязался страшный бой. Поляки дрались отчаянно, силъ у нихъ было втрое больше, чѣмъ у русскихъ, но ни храбрость, ни превосходство силъ не помогли; поляки были разбиты на голову. За побѣду подъ Сталовичами Екатерина прислала Суворову орденъ св. Александра Невскаго. „Поблагодарите Суворова за окончаніе фарсовъ Огинскаго, писала она.

Успѣхи войны не могли однакожъ удовлетворить Суворова, а милости Императрицы еще болѣе вызывали его на дѣло. Онъ стремился въ Турцію, туда, гдѣ гремѣли громы Кагула и Бандеръ. Тамъ ему хотѣлось быть, вмѣсто того, чтобы тратить свои геніальныя силы и подвергать свою жизнь безпрестанной опасности въ мелкихъ сраженіяхъ. Кромѣ того, его огорчали несогла-

сія съ Веймарномъ. Веймарнъ упрекалъ его своеволіемъ, незнаніемъ тактики, (наука военная), на что Суворовъ отвѣчалъ: „Да, что дѣлать — мы ужъ такіе: безъ тактики и практики, а непріятеля бьемъ“. Раздраженный Веймарнъ послалъ въ Петербургъ доносъ на Суворова. Императрица велѣла Веймарну подать въ отставку. Такъ сильно было ея довѣріе къ Суворову.

Дѣло поляковъ казалось потеряннымъ, но Суворову еще разъ пришлось помѣряться съ ними силами. Находившійся въ Краковѣ русскій комендантъ полковникъ Штакельбергъ, увлекшись одной красавицей полькой, плохо охранялъ замокъ. Поляки воспользовались его безпечностью и ночью овладѣли замкомъ. Явился на помощь Суворовъ и быстро поправилъ дѣло. Въ сраженіи подъ Ишмецомъ онъ разбилъ зна-

чительную партію поляковъ, но едва не погибъ здѣсь. Одинъ непріятельскій уланъ, пробившись къ Суворову, бросился на него съ саблей; Суворовъ ловко отбилъ ударъ, а подоспѣвшій кирасиръ пулей положилъ улана на мѣстѣ. Краковъ сдался.

Занятіемъ Кракова кончилась война съ Польшей. Предводители польскихъ отрядовъ разбрелись по разнымъ странамъ.

Зимой 1772 года Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ ласково принятъ Императрицей, оказавшей ему великое довѣріе: ему было поручено осмотрѣть крѣпости на Шведской границѣ.

Глава III.

Не долго отдыхалъ Суворовъ послѣ польской компаніи. Въ слѣдующемъ же году онъ посланъ былъ воевать съ турками. Суворовъ не медлилъ и вскорѣ былъ уже за Дунаемъ. Дѣла русскихъ, казавшіяся побѣдами Румянцева подъ Ларгой и Кагуломъ, пошли затѣмъ вяло и Суворову предстояло оживить ихъ. Суворовъ представился Румянцеву, тотъ принялъ его холодно. Не желая давать Суворову прямого дѣла, въ которомъ тотъ могъ-бы отличиться, Румянцевъ послалъ его къ Салтыкову, а тотъ поручилъ ему съ небольшимъ отрядомъ слѣдить за движеніями турокъ, находившихся въ небольшой крѣпости Туртукаѣ, лежащей близь Силистріи, не далеко отъ Дуная. Но не таковъ былъ человѣкъ Суворовъ,

чтобы сидѣть сложа руки и наблюдать за турками. Онъ рѣшилъ, что чѣмъ смотрѣть за Туртукаемъ, лучше взять его. Сказано—сдѣлано. Нападеніе было до того быстро, что турки не успѣли опомниться. Подъ Туртукаемъ Суворовъ чудомъ спасся отъ смерти. Неподалеку отъ него разорвало пушку; Суворовъ, обливаясь кровью, упалъ. Солдаты думали уже, что онъ умеръ, но Суворовъ быстро вскочилъ, схватилъ штыкъ и бросился впередъ на крѣпость. На валу, бородатый турокъ преградилъ ему дорогу. Но Суворовъ, приставивъ къ его груди штыкъ, крикнулъ солдатамъ: „бери его!“

Послѣ упорнаго боя крѣпость была взята и Суворовъ писалъ Румянцеву:

„Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ!“

Но что же было наградой Суворову за геройскій поступокъ? – Военный судъ, приговорившій героя къ смертной казни за самовольный поступокъ. Приговоръ былъ посланъ на утвержденіе императрицѣ.

Въ это время Туртукай былъ снова взятъ турками и Салтыковъ, враждовавшій съ Румянцевымъ, отдалъ Суворову приказъ взять Туртукай. Суворовъ, не думая долго, въ бурную ночь переправился черезъ Дунай съ двумя тысячами солдатъ и ударилъ съ этой горстью орловъ на восьмитысячное турецкое войско. Туртукай снова былъ въ Суворовскихъ рукахъ.

Въ это время получено было рѣшеніе императрицы по дѣлу Суворова. Мудрая Екатерина писала: „побѣдителя не судятъ“. Крестъ св. Георгія 2-й ст. „за храбрость и мужественное дѣло“ былъ наградой побѣдителю.

Въ то время какъ Суворовъ дѣлалъ чудеса храбрости, фельдмаршалъ Румянцевъ бездѣйствовалъ и три раза уже просился въ отставку. Видя милости императрицы къ Суворову, онъ перемѣнилъ свои отношенія къ нему, сталъ благосклоненъ и поручилъ ему очень трудное и опасное дѣло — охранять Гирсово. Но трудности и опасности для Суворова не существовали. Для него всѣ дѣла были одинаковы — и трудныя, и легкія. У Суворова было двѣ съ половиною тысячи человѣкъ войска. Турки задумали напасть на него, французскіе офицеры, командовавшіе нестройными турецкими толпами, построили ихъ въ правильный боевой порядокъ на манеръ европейскихъ войскъ. „Варвары хотятъ биться строемъ, за то имъ худо будетъ!“ Цѣлую ночь не спалъ Суворовъ, готовясь къ нападенію непріятеля. На разсвѣтѣ

турецкіе всадники кинулись впередъ столь быстро, что Суворовъ едва успѣлъ перескочить черезъ рогатки, поставленныя въ нѣсколько рядовъ передъ Гирсовымъ. Суворовъ приказалъ своимъ притворно бѣжать и допустить непріятеля до третьяго ряда рогатокъ. Хитрость удалась. Думая, что русскіе робѣютъ, турки въ бѣшенствѣ бросились впередъ и здѣсь-то были встрѣчены цѣлымъ градомъ картечей и пуль, смѣшались и погибли въ громадномъ количествѣ.

Послѣ этого дѣла Суворову приказано было находиться при князѣ Долгоруковомъ. Онъ отказался, и по болѣзни просилъ увольненія, — и получилъ его. Суворовъ уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и всю зиму прожилъ въ Кіевѣ.

Въ началѣ 1774 года, Суворовъ, пожалованный въ генералъ-поручика, снова явился въ армію по волѣ им-

ператрицы. Суворовъ явился и приказомъ Румянцева былъ присоединенъ къ корпусу Каменскаго, какъ генерала старшаго по чину, (Каменскій произведенъ былъ въ генералъ-поручика однимъ годомъ раньше Суворова). Суворовъ, зная, что ему трудно будетъ ужиться съ вспыльчивымъ Каменскимъ, медленно двигался съ своими полками въ Утеплы, гдѣ стоялъ Каменскій.

Едва соединились здѣсь войска, какъ получено было извѣстіе, что за густымъ Деліорманскимъ лѣсомъ, при селеніи Казлуджи, находилось 40,000 турокъ посланныхъ на Гирсово. Суворовъ еще не успѣлъ стать лагеремъ и отдохнуть, какъ изъ лѣса показались толпы арнаутовъ (турецкихъ всадниковъ). Каменскій отправилъ на нихъ свою конницу. Арнауты опрокинули ее. Суворовъ удержалъ ихъ пѣхотою,

но натискъ былъ такъ силенъ, что и здѣсь русскіе уступили. Суворовъ едва ускакалъ отъ гнавшихся за нимъ арнаутовъ. Но въ концѣ концовъ арнауты были опрокинуты и бѣжали въ лѣсъ. Каменскій не двигался съ мѣста, полагая, что разъ турки были отброшены, все уже кончено. Суворовъ же осмотрѣлъ лѣсъ и повелъ свой корпусъ впередъ, не спрашивая приказа начальника. Жаръ былъ нестерпимый. Солдаты падали на дорогѣ полумертвые отъ усталости Дорога была такъ узка, что только четверо могли идти рядомъ. Послѣ семи верстъ убійственной дороги, Суворовъ вывелъ свой корпусъ на долину, гдѣ стояло лагеремъ непріятельское войско. Быстрымъ нападеніемъ, стремительнымъ и ужаснымъ, какія умѣлъ дѣлать одинъ только Суворовъ, турки были разстроены; геройскій натискъ — и

непріятель разбитъ. Каменскій приписалъ побѣду себѣ и доносилъ о ней, какъ объ одержанной имъ самимъ. Такой поступокъ Каменскаго крайне оскорбилъ Суворова. Онъ подалъ въ отставку, говоря, что по болѣзни не можетъ болѣе служить.

Туртукай, Гирсово и Казлуджи показали въ новомъ блескѣ воинскія дарованія Суворова. Все войско русское видѣло въ немъ героя Екатерины, а Екатерина — „своего генерала“. Каменскій такъ щедро былъ награжденъ за Казлуджи — Суворовъ же на почтовой телѣжкѣ скакалъ въ Москву по повелѣнію императрицы. Екатерина указывала ему на новый подвигъ. Довѣренность императрицы была его наградой.

Глава IV.

Въ то время, какъ русское войско одерживало побѣды въ Турціи, въ самой Россіи, на одной изъ ея окраинъ произошло возмущеніе, грозившее принять серьезные размѣры. Началось оно среди яицкихъ казаковъ—вольницы, заселявшей берега Яика и Волги, подобно тому, какъ собратья ихъ заселили нѣкогда Днѣпровскіе пороги, а другіе казаки засѣли по Дону.

Казаки были народъ неспокойный. Постоянныя мятежи, волненія заставляли правительство обращать на нихъ зоркое вниманіе. Обыкновенно эти волненія скоро подавлялись, казаки усмирялись съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько времени опять поднять бунтъ. Но вотъ появился среди нихъ Емельянъ Пугачевъ,

Донской казакъ. Это былъ храбрый до дерзости, ловкій, умный казакъ. Онъ служилъ въ семилѣтнюю войну, былъ въ турецкой кампаніи и за отличіе пожалованъ былъ эсауломъ. Безумная мысль овладѣла душой этого человѣка. Пугачевъ вздумалъ назваться именемъ умершаго императора Петра III (супруга Екатерины II). Въ началѣ дѣла Пугачева пошли удачно. Около него собралась громадная толпа всякаго сброда, привлеченная жаждой легкой наживы посредствомъ грабежа. Онъ овладѣвалъ небольшими крѣпостями, предавая пожару и грабежу селенія и барскія усадьбы. Раскольники, бѣглые, киргизы, башкиры сотнями стекались къ нему. У него было уже около двадцати тысячъ народа. Противъ него былъ посланъ генералъ Карръ. Пугачевъ разбилъ его и вслѣдъ за этимъ под-

нялась вся Волга. Вездѣ рѣзали, грабили помѣщиковъ и дворянъ, умерщвляли вѣрныхъ императрицѣ людей. На смѣну Карра былъ посланъ Бибиковъ. Дѣла Пугачева пошли хуже, но несмотря на побѣды Бибикова и заступившаго мѣсто послѣ его смерти Михельсона, мятежъ не прекращался. Въ одномъ мѣстѣ мятежниковъ били, они собирались въ другомъ. Силы ихъ, казалось, не уменьшались съ пораженіями. Казань была сожжена; Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пенза, Саратовъ были разграблены. Пугачевъ уже намѣревался идти на Москву. Императрица, мало придававшая сначала значенія пугачевщинѣ, теперь въ виду возрастающихъ успѣховъ Пугачева была смущена и велѣла отовсюду стянуть войска; начальникомъ которыхъ былъ назначенъ графъ Панинъ. Онъ про-

силъ себѣ помощника и указалъ на Суворова. Немедленно полетѣлъ Суворовъ въ Москву. Здѣсь Панинъ вручилъ ему собственноручное письмо Императрицы и 2000 червонцевъ на спокойный экипажъ, которымъ Суворовъ не могъ запастись за поспѣшностью къ исполненію возложеннаго на него порученія. Въ Царицинѣ онъ себѣ составилъ легкій отрядъ и, какъ простой офицеръ, принялъ надъ нимъ начальство, дѣлалъ постоянные поиски за мятежниками. Съ этимъ отрядомъ Суворовъ переправился за Волгу. Здѣсь онъ узналъ, что Пугачевъ уже пойманъ своими же товарищами, сдѣлавшими это въ надеждѣ на помилованіе. Въ одной изъ крестьянскихъ избъ въ Узденяхъ задумчиво сидѣлъ Пугачевъ. На столѣ подлѣ него лежало его оружіе. Три казака бросились на него,- осилили не смотря

на отчаянную борьбу, связали и повезли въ Уральскъ. Суворовъ поспѣшилъ туда. Въ Уральскѣ Пугачевъ былъ сданъ Суворову. Бунтовщикъ былъ посаженъ въ желѣзную клѣтку и отвезенъ въ Симбирскъ, гдѣ былъ зданъ Панину. Во время дороги Суворовъ неусыпно слѣдилъ за своимъ плѣнникомъ, простаивая иногда по цѣлымъ ночамъ около клѣтки Пугачева.

Пугачевъ былъ отвезенъ въ Москву и тамъ казненъ. Но мятежъ не былъ еще подавленъ и только благодаря ласковымъ и разумнымъ мѣрамъ Суворова взволнованный край былъ успокоенъ. Суворовъ былъ награжденъ шпагой, осыпанной бриллiантами и сдѣланъ былъ начальникомъ войскъ въ Петербургѣ.

Усмиривъ Пугачевскiй бунтъ, Суворовъ отпросился къ себѣ въ деревню, которая послѣ смерти отца

осталась совсѣмъ безъ призора. Тамъ онъ женился сорока слишкомъ лѣтъ отъ роду на дочери своего сосѣда княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. Супруга подарила Суворову двухъ дѣтей — дочку, любимицу героя „Наташу Суворочку“ и сына. Супружество Суворова не было счастливо. Въ 1779 году нашъ герой рѣшился даже просить о разводѣ. Императрица не согласилась, надѣясь, что супруги помирятся. Суворовъ не хотѣлъ болѣе оставаться дома, гдѣ не находилъ счастья. Супруга разсталась съ нимъ и жила въ Москвѣ. Разсказываютъ такой случай: Одинъ вельможа, вздумавши насмѣхаться надъ Суворовымъ, когда тотъ подъѣзжалъ ко дворцу, сказалъ окружающимъ: „Посмотрите, господа, въ какое замѣшательство приведу я Суворова, я поздравлю его съ днемъ ангела его жены“.

Въ это время входитъ Суворовъ. Вельможа сейчасъ-же подошелъ къ нему и началъ поздравлять.

— „Спасибо тебѣ, отвѣчалъ Суворовъ,—что ты помнишь имянины; тебѣ досужно сидѣть за святцами, а у меня много имянинъ: Туртукай, Кинбургъ, Измаилъ, Прага!,. много! много!.. не упомнишь!" и побѣжалъ отъ него.

Глава V.

Недолго отдыхалъ Суворовъ. Вскорѣ ему представилось новое дѣло— покорять Крымъ.

Крымъ издавна безпокоилъ Россію. Въ случаѣ войны съ Турціей, татары, населявшіе Крымъ, безпрепятственно могли дѣлать набѣги на русскія владѣнія.

Когда Суворовъ явился въ Крымъ, тамъ въ это время враждовали двѣ

партіи. Россія приняла сторону Шагинъ-Гирея. Суворовъ такъ умѣлъ повліять на Шагинъ-Гирея, что тотъ совершенно отдался въ его руки, а затѣмъ согласился даже отречься отъ престола и, вмѣсто этого, пользоваться отъ русскаго правительства ежегоднымъ содержаніемъ въ 200,000 р. сер. Впослѣдствіи онъ опять возсталъ противъ Россіи, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Константинополь, Крымъ-же былъ присоединенъ къ Россіи, подъ именемъ Тавриды, въ 1783 году. За дѣятельность въ Крыму Суворовъ получилъ въ награду табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. По пріѣздѣ въ Петербургъ, когда Суворовъ явился во дворецъ, Государыня, снявъ съ себя брилліантовую Александровскую звѣзду, возложила ее на него, „въ знакъ памяти объ ея дружбѣ," какъ выразилась Екатерина.

За окончательное присоединеніе Крыма Суворовъ получилъ орденъ Св. Владиміра I ст., за годъ только предъ симъ учрежденный.

Послѣ Крымскихъ дѣлъ Суворовъ прожилъ два года въ своемъ селѣ Ундолахъ. Существуетъ много разсказовъ о его житьѣ-бытьѣ въ Ундолахъ. Одѣтый въ холщевую куртку, онъ бѣгивалъ по селу, бесѣдовалъ съ крестьянами, пѣлъ и читалъ въ церкви и самъ звонилъ въ колокола. Но жизнь деревенская была не по душѣ Суворову. Боясь, что его забудутъ въ деревнѣ, онъ просилъ о переводѣ въ дѣйствующую армію, желая хоть умереть на полѣ битвы. „Смерть на постелѣ не солдатская смерть!“ говаривалъ онъ. Но напрасно боялся Суворовъ—Потемкинъ и безъ напоминанія помнилъ о немъ. Въ началѣ 1785 года Суворова назначили командиромъ Петербургской

дивизіи, а въ слѣдующемъ году произвели въ генералъ-аншефы.

Въ 1787 году открылась вторая турецкая война, и слава этой войны всецѣло принадлежитъ Суворову, хотя главное начальство надъ войскомъ было ввѣрено Потемкину. Въ это время герою было уже 58 лѣтъ. Съ виду онъ казался слабымъ, худенькимъ старичкомъ. Лице изборождено морщинами, голову покрывали рѣдкіе сѣдые волосы. Но не смотря на внѣшнюю слабость и старость, духомъ онъ былъ бодръ и молодъ, глаза по прежнему свѣтились геніальнымъ умомъ и могучимъ, не старѣющимъ отъ лѣтъ, духомъ.

Не смотря на свои преклонные годы, онъ вставалъ въ два часа, купался, бѣгалъ въ одномъ бѣльѣ по лагерю и, крича пѣтухомъ, будилъ солдатъ. По прежнему спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, даже когда

живалъ во дворцѣ и въ домахъ тогдашнихъ великолѣпныхъ вельможъ. Пища его была самая простая—щи, каша, пирогъ; передъ обѣдомъ рюмка водки. Нюхалъ простой русскій табакъ.

Солдаты подчинялись ему безгранично, слѣпо. Каждое слово Суворова было для нихъ закономъ. Каждое приказаніе сейчасъ же безпрекословно выполнялось. Солдаты до того слушались и любили его, что скажи онъ имъ; „ребята, бросайтесь въ воду", и они бы бросились въ какой угодно омутъ.

Разъ проходя мимо одного монастыря, Суворовъ вдругъ скомандовалъ имъ на приступъ. Испуганная братія не знала что дѣлать, когда солдаты бросились на монастырь. Но Суворовъ, доволенъ послушаніемъ и быстротой своихъ солдатъ, велѣлъ ударить отбой и повелъ ихъ далѣе.

Суворовъ никогда не затѣвалъ интригъ, онъ дѣйствовалъ всегда прямо и открыто; но враги его вездѣ разславляли, что Суворова удаляютъ по дряхлости. Онъ скоро постарался доказать, что дряхлость не касалась его.

Разъ катался онъ съ Государыней въ лодкѣ. Когда подъѣхали къ берегу, Суворовъ прежде всѣхъ очень проворно и ловко прыгнулъ на берегъ.

— „Ай-да Александръ Васильевичъ! какіе вы дѣлаете прыжки!“ замѣтила Екатерина.

— „Э, матушка Государыня, отвѣчалъ Суворовъ, вотъ погодите-ка, какъ мы прыгнемъ въ Турцію!“

Суворовъ былъ замѣчательно безкорыстенъ. Онъ не гнался за орденами и чинами.

Разъ какъ-то Государыня Екатерина спросила его:

— „Чѣмъ мнѣ наградить Васъ, Александръ Васильевичъ?“

— Ничего мнѣ, матушка, не нужно, награждай тѣхъ, кто проситъ у тебя награды, а я не прошу!

Императрица настаивала.

— „Ужъ если хочешь непремѣнно наградить, отвѣчалъ Суворо̀въ, то прикажи заплатить за квартиру Плутъ хозяинъ отдыху не дастъ“.

— „А много-ли вы должны?“ спросила Екатерина.

— „Три рубля съ полтиной!“ пресерьезно отвѣчалъ Суворовъ.

Императрица приказала заплатить.

— „Прожился, совсѣмъ промотался“, говорилъ послѣ этого Суворовъ, нечѣмъ было даже за квартиру заплатить. Спасибо, матушка-Государыня заплатила.

Слухи о безкорыстіи Суворова, о его прямомъ характерѣ, застав-

лявшимъ его рѣзать правду-матку прямо въ глаза, а главное его простая, солдатская жизнь и отеческія заботы о солдатахъ, все это заставляло послѣднихъ не только безпредѣльно любить, но и глубоко уважать своего начальника. Суворова солдаты считали своимъ, они не видѣли въ немъ одного только начальника, но преклонялись передъ нимъ, какъ передъ своимъ отцомъ, который съумѣетъ за нихъ постоять. Справедливость Суворова, не дѣлавшаго исключенія офицерамъ, а наказавшаго офицера такъ-же, какъ и простаго солдата, еще больше укрѣпляло привязанность солдатъ къ нему. Такое умѣнье Суворова привлечь къ себѣ сердца подчиненныхъ сдѣлало то, что на него смотрѣли какъ на богатыря, шли за нимъ всюду, какая-бы опасность не предстояла. Его личная

храбрость воодушевляла солдатъ и они дрались какъ львы, не щадя жизни, всегда увѣренные въ побѣдѣ, что еще больше подкрѣпляло ихъ. Неудивительно поэтому, что Суворовъ, имѣя подъ своимъ началомъ такихъ орловъ, готовыхъ пожертвовать жизнью по его первому слову, надѣленный, кромѣ того, геніальными способностями полководца, неудивительно, что Суворовъ во всю свою жизнь не проигралъ ни одной битвы. Вторая турецкая война была для Суворова рядомъ блестящихъ побѣдъ, доставившимъ ему славу перваго полководца своего времени.

Эту войну Россія вела въ союзѣ съ Австріей. Потемкинъ далъ Суворову 30-ти тысячный корпусъ, съ которымъ онъ расположился въ Кинбургѣ. Непріятель находился всего въ 14 верстахъ отъ него въ Очаковѣ.

Суворовъ, всегда вѣрный своему правилу: взглядъ, быстрота и натискъ, задумалъ неожиданнымъ нападеніемъ смять непріятеля. У Суворова въ это время было только 1000 ч. пѣхоты 4 и казачьихъ полка. Силы, какъ видите, незначительныя въ сравненіи съ громаднымъ войскомъ непріятеля. Но Суворовъ не силой бралъ, а умомъ да ловкостью. Заговорили пушки, казаки стремительно бросились впередъ, пѣхота ударила въ штыки и турки, смятые геройскимъ натискомъ, бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ, но остановленные своими офицерами и дервишами (турецкіе монахи), заклинавшимъ ихъ именемъ Магомета драться до послѣдней капли крови, они снова построились, и вотъ здѣсь начался страшный, отчаянный бой. Русскіе, вдохновляемые своимъ вождемъ, наступали на врага, турки отчаянно ихъ от-

бивали. Суворовъ бросился впередъ. Ядромъ оторвало морду у его лошади. Онъ только успѣлъ крикнуть; „ребята, за мной“. Лошадь упала, а вмѣстѣ съ ней и Суворовъ. Въ это время наскочили турки, и одинъ уже занесъ саблю. Секунда—и Суворовъ убитъ, но мушкатеръ Новиковъ прокололъ штыкомъ турка и спасъ Суворова. Кругомъ Суворова падали или убитые или раненые. Турки бросились на русскихъ. Пуля пробила лѣвую руку Суворова. Онъ обмылъ рану морской водой, перевернулъ рубашку и, надѣвши сухимъ рукавомъ на раненую руку, снова поскакалъ. „Помогло, помилуй Богъ, помогло!“ крикнулъ Суворовъ и снова полетѣлъ туда, гдѣ была самая жаркая битва. Въ это время подошли 10 эскадроновъ и, не отдыхая отъ похода, ринулись въ бой. Турки были разбиты на голову, оставивъ на полѣ

сраженія болѣе пяти тысячъ убитыхъ и раненыхъ.

Потемкинъ не зналъ, какъ выразить свою признательность Суворову за это дѣло. Екатерина собственноручнымъ письмомъ изъявляла Суворову благодарность. „Въ первый разъ по началѣ войны, писала императрица, благодарили мы Бога за побѣды и одолѣнія надъ врагами и читали въ церкви дѣянія ревности, усердія и храбрости вашей. Молимъ Бога, да исцѣлитъ раны ваши и возставитъ васъ къ новымъ успѣхамъ“. При письмѣ былъ присланъ Андреевскій орденъ.

Потемкину Екатерина писала про Суворова, „Старикъ поставилъ насъ на ноги: жаль только, что его ранили“.

Въ то время, какъ Суворовъ дѣйствовалъ быстротой и неожиданностью нападеній, Потемкинъ велъ

дѣло крайне вяло и словно ждалъ чего-то. Не по душѣ была Суворову такая медлительность. „Не такъ бивали мы поляковъ, не такъ бивали турокъ. Тѣмъ крѣпость не возьмешь, что станешь стоять передъ нею: послушались бы меня и давно бы Очаковъ былъ нашъ“.

Такими рѣчами Суворовъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ Потемкина.

Между тѣмъ турки, наскучивъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ, сдѣлали вылазку. Гренадеры отбили ихъ и, бросившись впередъ, ворвались въ турецкія укрѣпленія. Суворовъ просилъ у Потемкина подкрѣпленія; исполни Потемкинъ его просьбу, Очаковъ былъ бы въ нашихъ рукахъ. Но Потемкинъ подкрѣпленія не прислалъ. Къ тому же Суворовъ былъ жестоко раненъ. Пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Зажавши рукой рану, удалился онъ

въ палатку. Здѣсь ему сдѣлали операцію, послѣ которой онъ впалъ въ обморокъ. Онъ опасно заболѣлъ и уже готовился къ смерти. Призвалъ священника и исповѣдовался.

Между тѣмъ русскія войска, лишенныя начальника, бѣжали.

Послѣ этой неудачной битвы Суворовъ уѣхалъ въ Кинбургъ. Тутъ онъ вторично подвергся опасности. Смерть словно искала его, но провидѣніе спасло героя. Когда Суворовъ, больной, лежалъ на постелѣ, вдругъ раздался сильный выстрѣлъ: — взорвало артиллерійскую мастерскую. Суворова жестоко контузило.

Потемкинъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ на Суворова за неудачное Очаковское дѣло, хотя самъ былъ кругомъ виноватъ — пришли онъ подкрѣпленіе и русскіе были-бы въ Очаковѣ. Суворовъ совсѣмъ больной, рѣшился просить объясненія

у Потемкина, но тотъ не принялъ Суворова; такъ что старикъ, оскорбленный до глубины души несправедливостью начальника, не хотѣлъ оставаться въ арміи и взялъ отпускъ.

Во время отпуска Суворова Очаковъ былъ взятъ и Потемкина наградили такъ, какъ никого еще не награждали. Когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, по пути въ темныя зимнія ночи освѣщали дорогу кострами. По городамъ встрѣчали его генералъ-губернаторы. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу, Екатерина поспѣшила принять его немедленно. Похвальная грамота, медаль на память потомству, фельдмаршалскій жезлъ, осыпанный брилліантами, орденъ Александровскій, прикрѣпленный къ брилліанту въ сто тысячъ рублей цѣною, шпага съ брилліантами, сто тысячъ рублей на по-

стройку Таврическаго дворца, были его наградой по пріѣздѣ въ Петербургъ. Георгій первой степени присланъ былъ ему подъ Очаковъ.

На Суворова между тѣмъ продолжали сыпаться доносы, клеветы. Это глубоко огорчало его и только любовь къ дочери, къ его ненаглядной Наташѣ-Суворочкѣ, помогало старику безропотно переносить людскую несправедливость.

Вскорѣ обстоятельства перемѣнились въ пользу Суворова. Мѣсто Потемкина занялъ новый любимецъ— Зубовъ, и о старомъ .героѣ Кинбурга вспомнили. Брилліантовое перо на каску съ буквою К. (Кинбургъ) было наградой Суворову за безвинное страданіе. Къ тому же онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ русской дѣйствующей арміи и Суворовъ на первыхъ-же порахъ проявилъ свою геніаль-

ность. На принца Кобургскаго, командовавшаго надъ австрійскими войсками, напало подъ Фокшанами сорока-тысячное турецкое войско. Принцъ не зналъ, что дѣлать и спѣшилъ извѣстить Суворова. Суворовъ немедленно выступилъ и въ полтора сутокъ явился на помощь австрійцамъ. Принцъ Кобургскій, узнавъ, что русскіе полки пришли, пожелалъ видѣться съ Суворовымъ и переговорить съ нимъ относительно плана военныхъ дѣйствій, но Суворовъ велѣлъ сказать, что его нѣтъ въ лагерѣ. Между тѣмъ благодаря его распоряженіемъ все уже было готово къ битвѣ.

Рано утромъ Суворовъ ударилъ сборъ и отдалъ приказъ немедленно выступать. Принцъ Кобургскій, не получивъ отъ Суворова никакихъ объясненій, безпрекословно повиновался. Соединенныя войска русскихъ

и австрійцевъ подошли на 300 шаговъ къ турецкому лагерю и ударили въ штыки. Первый-же натискъ смялъ турокъ и они бѣжали. Поле битвы осталось за нашимъ героемъ. Суворовъ и принцъ Кобургскій обнялись на полѣ сраженія, выиграннаго благодаря быстротѣ дѣйствія и разумности распоряженій Суворова.

Когда Суворова спрашивали, отчего онъ не захотѣлъ видѣться съ принцемъ, онъ отвѣчалъ: „Да вѣдь онъ тактикъ, а у меня планъ былъ не тактическій, мы бы заспорили, а турки въ это время напали бы на насъ и разбили.

Императоръ австрійскій прислалъ Суворову за эту побѣду табакерку съ бриллiантовымъ вензелемъ.

Вскорѣ помощь Суворова опять понадобилась австрійцамъ. На принца Кобургскаго наступало 100,000 турецкаго войска. „Спаси насъ“,

писалъ онъ Суворову. Суворовъ отвѣчалъ однимъ только словомъ „иду“, написаннымъ на клочкѣ бумажки. Въ полночь онъ выступилъ и черезъ два дня былъ въ лагерѣ Кобургскаго. Принцъ изумился приходу Суворова, выбѣжалъ навстрѣчу и называлъ своимъ спасителемъ. Суворовъ предложилъ, не долго думая, напасть на турокъ. Принцъ Кобургскій ужаснулся, полагая, что съ 25-ти тысячнымъ войскомъ противъ ста тысячъ можно только обороняться, а не нападать, но его довѣренность къ военному генію Суворова была такъ велика, что онъ не посмѣлъ спорить.

Переходъ Суворова былъ совершенъ такъ быстро и тихо, нападеніе такъ внезапно, что когда пушечная пальба встревожила турецкій лагерь, никто не хотѣлъ вѣрить, что пришелъ Суворовъ. Визирь пилъ кофе, чашка выпала у него изъ рукъ, когда

сказали: Суворовъ здѣсь и уже сражается.

Стотысячное войско турокъ послѣ продолжительной и жаркой битвы было разбито и въ страшномъ безпорядкѣ бѣжало. Все пространство на разстояніи 7 верстъ было покрыто мертвыми, ранеными, брошенными пушками и обозами. Визирь едва успѣлъ бѣжать и вскорѣ отъ горести умеръ. Весь обозъ, 100 знаменъ, 80 пушекъ, даже золотой шатеръ визиря достались побѣдителямъ.

При дѣлежѣ добычи, Суворовъ велѣлъ отдать всѣ пушки австрійцамъ. „Отдайте имъ, сказалъ Суворовъ. Имъ негдѣ взять, а мы себѣ еще добудемъ“.

Рымникская побѣда произвела всеобщій восторгъ въ Австріи и Франціи. Императоръ австрійскій произвелъ Суворова въ графы Римской

имперіи. Екатерина наградила „своего генерала“ по-царски. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, съ наименованіемъ „Рымникскаго“, ему пожалованы были: орденъ св. Георгія 1-й степени, бриліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и шпага осыпанная бриліантами, и съ надписью „побѣдителю визиру“. Потемкинъ писалъ ему: „Всегда и у всякаго равно пріобрѣли-бы вы побѣды и награды, но не всякій съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, препроводилъ бы вамъ награду. Увѣрься, графъ А. В., что я добрый человѣкъ и буду такимъ!“

Принцъ Кобургскій называлъ Суворова своимъ великимъ учителемъ.

Послѣ Рымникскаго сраженія австрійцы заключили миръ съ Турціей, Россія-же продолжала войну и 25 ноября Потемкинъ послалъ

Суворову приказъ: „взять Измаилъ". Отвѣтъ Суворова былъ таковъ: „получивъ повелѣніе, В. С., отправился я къ Измаилу. Боже? дай помощь свою".

Суворову предстояло совершить подвигъ, огромность котораго донынѣ изумляетъ смѣлыхъ и опытныхъ воиновъ. Суворовъ, рѣшаясь на взятіе Измаила, рисковалъ своей жизнью: онъ не перенесъ бы пораженія послѣ сорокалѣтнихъ подвиговъ.

Измаилъ неприступная турецкая крѣпость, имѣвшая до 10 верстъ въ окружности. Съ одной стороны она примыкала къ Дунаю, съ другой обнесена каменной стѣной, съ остальныхъ сторонъ ее окружалъ земляной валъ въ четыре сажени вышины; 250 пушекъ и 40,000 гарнизона охраняли Измаилъ подъ начальствомъ сераскира Аудузлу - па-

ши, старика, посѣдѣвшаго въ битвахъ. Къ этому еще надо прибавить отчаянную храбрость турокъ при защитѣ крѣпостей: робкій въ полѣ, оттоманъ непобѣдимъ за стѣнами крѣпости.

У Суворова-же было 28,000 войска, унылаго; ослабленнаго. Время было ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать. Валы крѣпости обледенѣли и невозможно было взобраться на нихъ. Но во главѣ русскаго войска стоялъ Суворовъ и волшебное имя его удвоило силы солдатъ. Рѣшено было штурмовать Измаилъ. „Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра побѣда—или смерть,“ сказалъ Суворовъ.

Суворовъ сталъ готовиться къ приступу и самъ училъ солдатъ, какъ приставлять лѣстницы къ стѣнамъ, какъ взбираться на валы и пр.

На 10 декабря 1790 года былъ назначенъ приступъ. Въ 5 часовъ взвилась ракета и русскіе двинулись. Началась страшная битва. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ и земля потряслась отъ пушечныхъ ударовъ. Наши подъ градомъ пулей и картечей взбирались на покрытые льдомъ валы, отбросивъ лѣстницы и упираясь на штыки. Въ 8 часовъ русскіе овладѣли всѣми укрѣпленіями, но и на улицахъ битва была не менѣе страшная: нужно было съ бою брать каждую улицу, каждый домъ; сражались старики, сражались даже женщины. Словомъ, только *одинъ человѣкъ* ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи русскими непобѣдимой крѣпости. 23,000 турокъ было убито, русскихъ 5,000. Шесть дней очищали городъ отъ труповъ. Суворовъ доносилъ Императрицѣ: „гор-

дый Измаилъ у ногъ В. И. Величества". Взятіе Измаила поставило Суворова выше всѣхъ современниковъ. „Чѣмъ наградить мнѣ Васъ, Александръ Васильевичъ?" спрашивалъ Суворова Потемкинъ. Суворовъ отвѣчалъ: „кромѣ Бога и Императрицы никто меня наградить не можетъ." Потемкинъ разстался съ нимъ холодно. Всѣ думали, что Суворова пожалуютъ фельдмаршаломъ. Героя Измаила пожаловали подполковникомъ гвардіи Преображенскаго полка.

Глава VI.

Въ февралѣ 1791 года пріѣхалъ Потемкинъ въ Петербургъ. Ему воздаиы почеты за всѣ успѣхи войны. Императрица повелѣла воздвигнуть ему дворецъ и передъ нимъ поставить памятникъ Потемкину. Но Екатерина не забывала и своего героя Суворова. Ему дано было новое порученіе: осмотрѣть крѣпости въ Финляндіи.

Нечего и говорить, что порученіе было выполнено образцово. Два го-

да прожилъ Суворовъ въ Финляндіи. Онъ нашелъ тамъ все въ страшномъ безпорядкѣ. Съ обычной своей энергіей и знаніемъ принялся онъ за исправленіе злоупотребленій. Крѣпости были въ безпорядкѣ, въ войскахъ почти никакой дисциплины. Кража солдатскихъ порціоновъ и другаго полковаго имущества было обыкновеннымъ дѣломъ. Въ два года всѣ злоупотребленія были уничтожены; крѣпости приведены въ отличное состояніе; войска были бодры и отличались превосходной выправкой. Императрица была очень довольна дѣйствіями своего Суворова и не обращала вниманія на доносы, которые по прежнему въ обиліи сыпались на Суворова.

Въ это время въ Польшѣ опять начались смуты. Предводителемъ возставшихъ войскъ явился храбрый и умный Тадеушъ Костюшко. Онъ энер-

гично принялся за дѣло: въ короткое время организовалъ войска, вооружилъ, какъ могъ, польскихъ крестьянъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались щедрыя пожертвованія. Возстанцы начали военныя дѣйствія противъ Россіи съ большимъ успѣхомъ. Пятьдесятъ тысячъ русскихъ и прусскихъ войскъ, собранныхъ на польской границѣ, должны были отступить. Екатерина рѣшила, что съ этимъ возстаніемъ предстоитъ нешуточная борьба. Нужно было дѣйствовать рѣшительнѣе и въ самомъ началѣ задушить борьбу, которая грозила быть опасной. Вотъ здѣсь-то и понадобился опять Суворовъ. Онъ былъ призванъ изъ Финляндіи и назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками. Назначеніе Суворова было съ восторгомъ встрѣчено русскими войсками, въ

польскомъ-же лагерѣ оно произвело удручающее впечатлѣніе. Солдаты польскіе говорили, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда. Плохо намъ будетъ. Какъ ни старались начальники разувѣрять ихъ, какъ ни убѣждали, что это другой Суворовъ, племянникъ того извѣстнаго побѣдителя, но польскіе солдаты упорно продолжали твердить: теперь пришелъ конецъ намъ. Вотъ до чего велика была слава Суворова и увѣренность въ его непобѣдимость!

Дѣйствительно, Суворовъ тотчасъ-же по прибытіи въ Польшу показалъ себя. На первыхъ-же порахъ разбилъ онъ многочисленный отрядъ Сираковскаго. Костюшко понялъ, что, если пойдетъ такъ дѣло, то Суворовъ порознь перебьетъ всѣ польскіе отряды, что противъ непобѣдимаго героя надо дѣйство-

вать совокупными силами, и соединилъ свои войска подъ Мацейовицами. Здѣсь напалъ на него генералъ Ферзенъ и одержалъ блестящую побѣду. Самъ Костюшко, главный вожакъ возстанія, попался въ плѣнъ. Суворовъ послѣ этого сраженія рѣшилъ двинуться къ Варшавѣ. Соединивъ свой корпусъ съ отрядомъ Ферзена, 7 октября онъ выступилъ изъ Бреста къ Польской границѣ. Онъ зналъ, что плѣнъ Костюшки произведетъ ужасъ и уныніе, и хотѣлъ воспользоваться этимъ. Суворовъ былъ не только великій полководецъ, но и проницательный знатокъ человѣческаго сердца.

Все, что предвидѣлъ Суворовъ, сбылось вполнѣ. Гибель Костюшки казалась гибелью Польши. Народъ бѣгалъ по улицамъ Варшавы и въ

отчаянии кричалъ: „Нѣтъ Костюшки! Погибло отечество!“ Поляки рѣшили защищать свою столицу до послѣдней капли крови; считая Варшаву неудобной, по своей обширности, для защиты отъ непріятельскаго штурма, перешли въ Прагу, сильную крѣпость, составлявшую предмѣстье Варшавы.

24 октября Суворовъ двинулъ свои войска на приступъ. Произошла страшная, упорная битва. Поляки дрались отчаянно. Но, какъ ни упорно было ихъ сопротивленіе, Прага была взята. Мостъ черезъ Вислу сожженъ и всѣ средства къ побѣгу были отняты. На улицахъ свирѣпствовало страшное кровопролитіе. Все смѣшалось въ дымѣ, стонѣ, набатѣ, громѣ барабановъ. Наконецъ Прага загорѣлась. Взорвало пороховой магазинъ. Въ 9 ча-

совъ утра (бой начался съ 4 часовъ) на мѣстѣ Праги были окровавленныя, дымящіяся развалины, заваленныя изуродованными, обгорѣлыми трупами. Пораженіе поляковъ было ужасное: тринадцать тысячъ человѣкъ погибло въ Прагѣ, болѣе двухъ тысячъ потонуло въ Вислѣ, полторы тысячи взято въ плѣнъ и только восемсотъ успѣли спастись въ Варшавѣ.

Суворовъ въѣхалъ въ Прагу и остановился въ раскинутой для него палаткѣ. Сюда явились къ нему польскіе депутаты. Суворовъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, другой обрубокъ замѣнялъ ему столъ. Сюда явились къ нему польскіе депутаты; они заговорили было о перемиріи, но Суворовъ объявилъ, что онъ требуетъ сдачи Варшавы.

27 октября утромъ явились графы Потоцкій и Мостовскій. Они из-

вѣстили Суворова, что для очищенія Варшавы необходима недѣля срока. „Ни одного часа!“ гнѣвно вскричалъ Суворовъ. „Мы не воюемъ съ Польшей и королемъ ея! О какихъ войскахъ вы мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско — я посланъ истребить ихъ, а не разговаривать! Въ 4 часа по полудни привезли отвѣтъ изъ Варшавы: Варшава отдавала оружіе и покорялась безусловно.

29 октября начался торжественный входъ русскихъ въ Варшаву при звукахъ полковой музыки и громѣ барабановъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своими генералами. Онъ былъ безъ орденовъ, на простой казацкой лошади. У моста встрѣтили его городскіе правители и поднесли ему хлѣбъ-соль и серебряные вызолоченные ключи отъ

городскихъ воротъ (они и до сихъ поръ хранятся въ Петербургскомъ Петро-Павловскомъ соборѣ). Суворовъ поцѣловалъ ихъ, перекрестился и сказалъ: „Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ...“ Онъ показалъ на Прагу и утеръ слезы.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!“ писалъ Суворовъ Императрицѣ.

На другой день Суворовъ, во всѣхъ орденахъ, сопровождаемый генералами, посѣтилъ короля Станислава.

Станиславъ встрѣтилъ Суворова низкимъ поклономъ и просилъ его освободить одного плѣннаго офицера. „Если угодно, освобожу вамъ ихъ сотню, отвѣчалъ Суворовъ, „двѣсти“, продолжалъ онъ подумавъ, „триста, четыреста, такъ и

быть пятьсотъ!“ прибавилъ онъ смѣясь.

Екатерина II отвѣчала Суворову: „ура, фельдмаршалъ Суворовъ!“ препровождая ему фельдмаршальскій жезлъ. Суворову пожаловано было кромѣ того 6922 души крестьянъ. Императоръ Австрійскій прислалъ ему свой портретъ, осыпанный бриллiантами, а Прусскій король—ордена Краснаго и Чернаго орла.

Суворова больше всѣхъ наградъ обрадовалъ чинъ фельдмаршала. Тогда въ Россіи было только два человѣка въ этомъ чинѣ: графъ К. Г. Разумовскій и Румянцевъ. Девять генералъ-аншефовъ были старше Суворова. „Мое правило не производить никого не въ очередь,“ писала Суворову Екатерина, но вы завоевали чинъ фельдмаршала въ Польшѣ“.—„А! таки перескочилъ!“ воскликнулъ Суворовъ, прыгая че-

резъ стулья и высчитывая по пальцамъ генералъ-аншефовъ старше себя: „Салтыковъ назади, Долгорукій назади, Каменскій назади, а мы впереди!“ Онъ перекрестился и промолвилъ: „Помилуй Богъ матушку Императрицу! милостива она ко мнѣ старику!“

Проѣздъ Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ былъ его торжествомъ.

Какъ ни старался онъ скрываться, его встрѣчали губернаторы, чиновники, войско, граждане съ хлѣбомъ и солью; народъ стерегъ его по дорогѣ и оглашалъ воздухъ кликами: „ура! Суворовъ!“—„Помилуй Богъ, помилуй Богъ! Они уморятъ меня! говорилъ онъ и плакалъ отъ радости. Суворовъ пріѣхалъ прямо въ зимній дворецъ и повергся предъ Екатериною. Государыня приняла его необыкновенно ласково. Ему

отвели для помѣщенія Таврическій водрецъ, гдѣ прежде жилъ великолѣпный князь Тавриды свѣтлѣйшій Потемкинъ, умершій за два года до этого.

Въ Петербургѣ пировалъ Суворовъ и на свадьбѣ своей Наташи, своей Суворочки.

Въ Таврическомъ дворцѣ Суворовъ занималъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на парадныхъ обѣдахъ и великолѣпныхъ сборищахъ. Императрица слышала о странностяхъ великаго человѣка, но снисходила къ нимъ. Анекдоты о Суворовѣ ходили въ народѣ и были предметомъ всеобщаго удивленія. Разсказывали, что бывши на балѣ во дворцѣ, когда Императрица спросила:

— Чѣмъ подчивать васъ, Александръ Васильевичъ?

— Прикажи, Матушка, подать водочки, отвѣчалъ Суворовъ.

— Но, что скажутъ о васъ красавицы, если услышатъ, что отъ васъ пахнетъ водкой? съ улыбкой продолжала Екатерина.

— Э, Матушка, онѣ скажутъ тогда, что Суворовъ солдатъ.

Замѣтивши, что Суворовъ ѣздитъ безъ шубы, Императрица подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ и при поѣздкахъ во дворецъ сажалъ съ собой слугу, который держалъ шубу въ рукахъ и надѣвалъ на него при выходѣ изъ кареты. „Не смѣю ослушаться Императрицы“, говорилъ Суворовъ, „шуба со мной, а нѣжиться солдату не хорошо!“

Глава VII.

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина. Суворовъ плакалъ неутѣшно. Мрачнымъ и печальнымъ представлялось ему будущее. Могъли онъ думать, прощаясь съ Царицей, благословлявшей его на побѣды, что въ послѣдній разъ видитъ обожаемую имъ монархиню. Бодрая старость и крѣпкое здоровье обѣщали ей долголѣтіе. „Матушка царица“, говорилъ Суворовъ, „безъ

нея не видать бы мнѣ ни Кинбурга, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы!“

На престолъ вступилъ Императоръ Павелъ I. Съ его восшествіемъ въ войскѣ измѣнены были одежда, вооруженіе, ученіе, команда, раздѣленіе полковъ.

Непоколебимый поборникъ истины, Суворовъ, не одобряя нововведеній этихъ, рѣшился смѣло говорить истину Государю. Враги Суворова представили слова эти непростительной дерзостью. Государь прогнѣвался. „Мнѣ поздно перемѣниться!“ отвѣчалъ огорченный старецъ, когда ему замѣтили, что его „проказы“ не согласны съ военной дисциплиной.

— „Доложите Императору, говорилъ онъ, что матушка его Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои

причуды, и я проказилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавой, а для новыхъ порядковъ я старъ!"

Когда введены были въ русскомъ войскѣ прусскій мундиръ, пудра, букли, косы, Суворовъ улыбнулся и сказалъ:

„Пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки, а мы не нѣмцы, а руссаки".

Друзья старались уговорить Суворова смягчить немилость покорностью.

— „Мнѣ поздно мѣняться" повторялъ Суворовъ.

Между тѣмъ шутка его ходила въ войскѣ и въ народѣ и дошла до Государя.

Государь былъ въ страшномъ гнѣвѣ на Суворова и отдалъ приказъ: „Суворову повелѣно быть въ

Петербургѣ и остаться безъ команды, а корпусъ его передать генералъ лейтенанту Беклешеву.

Съ глубокой горестью Суворовъ осмѣлился представить, что если у него взято начальство надъ войскомъ, то ему не только въ Петербургѣ, но и на службѣ дѣлать нечего. Въ отвѣтъ на это, Императоръ отдалъ приказъ: „Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь Е. И. В. что такъ какъ войны нѣтъ, то ему и дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы“.

Ударъ былъ жестокъ. Повинуясь волѣ монарха, трогательно разстался Суворовъ съ своими товарищами. Его любимый полкъ—Фанагорійскій—выстроенъ былъ на Тульчинской площади. Суворовъ явился передъ полкомъ въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, во всѣхъ своихъ орденахъ и

прощался съ солдатами, увѣщевая ихъ быть вѣрными Государю, послушными своимъ начальникамъ. Потомъ снялъ съ себя ордена, положилъ ихъ на барабанъ и воскликнулъ: „Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри, оставляю здѣсь все, что заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадетъ! Мы еще увидимся—мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!“ Солдаты плакали. Суворовъ подозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ, обнялъ, зарыдалъ и побѣжалъ на свою квартиру. Почтовая телѣжка стояла уже готовая, Суворовъ сѣлъ въ нее и тройка помчалась...

Онъ уѣхалъ въ Москву; здѣсь на родинѣ хотѣлъ жить и умереть Суворовъ среди семейства своей до-

чери. Но враги и здѣсь не оставили въ покоѣ Суворова. Приближалось время коронаціи Павла и враги Суворова боялись, чтобы Императоръ, при встрѣчѣ съ великимъ героемъ не смѣнилъ гнѣвъ на милость, что очень легко могло быть, такъ какъ Павелъ былъ настолько-же грозенъ въ гнѣвѣ, насколько великодушенъ въ порывѣ сознанія своихъ ошибокъ. Поэтому надо было удалить Суворова, и вотъ, когда вся Москва нетерпѣливо ждала Государя, полицейскій чиновникъ явился къ Суворову и объявилъ ему Высочайшій приказъ ѣхать въ деревню.

— Сколько времени мнѣ дастся на сборы? спросилъ Суворовъ.

— Четыре часа, отвѣчалъ полицейскій.

— Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить турокъ и поляковъ собирался я въ часъ! сказалъ Суворовъ, взялъ подъ мышку небольшой ящикъ съ бумагами, накинулъ на себя старый плащъ, простился съ домашними и объявилъ, что онъ готовъ. У крыльца стояла дорожная карета, Суворовъ отказался сѣсть въ нее.

— „Для чего мнѣ карета? И во дворецъ царскій ѣздилъ я въ тележкѣ". Въ послѣдній разъ взглянулъ Суворовъ на древнюю Москву, колыбель свою, гдѣ столько разъ являлся онъ въ величіи и славѣ.

Мѣстомъ пребыванія Суворова назначилось родовое сельцо его Кончанское. Тамъ при немъ остался сопровождавшій его полицейскій чиновникъ. Здѣсь поселился Суворовъ, одинокій и, казалось, забы-

тый всѣми, и людьми, и славою. Никто не слыхалъ отъ него жалобъ и сѣтованій. Онъ былъ веселъ, спокоенъ. Онъ велъ прежній образъ жизни — вставалъ рано и отправлялся на колокольню звонить, слушалъ въ церкви заутреню и обѣдню, пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ заходилъ къ священнику послѣ обѣдни на пирогъ. Обѣдалъ всегда у себя одинъ, и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь онъ бѣгалъ съ крестьянскими ребятишками, игралъ съ ними въ шляки, мирилъ мужицкіе споры и ссоры, а по вечерамъ удалялся въ свой домикъ, построенный въ саду. Здѣсь онъ, заваленный книгами и газетами, прилежно слѣдилъ за современными событіями, какъ будто предчувствуя, что

ему не суждено умереть въ забвеніи.

Между тѣмъ во Франціи совершались событія, которыя взволновали всю Европу. Народъ французскій низвергъ своего короля и потомъ казнилъ его. Такимъ образомъ низвергнуто было законное правительство. Религію христіанскую замѣнили поклоненіемъ „богинѣ разума". Пруссія и Австрія возстали на защиту прежняго правительства французовъ, но были разбиты. Франція охватывала своими побѣдами всю Европу. Наполеонъ Бонапарте завоевалъ почти всю Италію, лишивъ папу всѣхъ его владѣній. Австрія и Пруссія трепетали за свои владѣнія.

Тогда Павелъ I рѣшилъ вступиться за спокойствіе Европы. Въ концѣ 1798 года онъ заключилъ

союзъ съ Англіей и Австріей, чтобы подавить возмущеніе во Франціи. Задумавъ столь важное дѣло, какъ война съ Франціей, Павелъ не зналъ, кому поручить командованіе русскими войсками.

Вдругъ Суворовъ получаетъ изъ Петербурга пакетъ съ нарочнымъ. Надпись на пакетѣ гласила: „Фельдмаршалу Суворову“.

— „Письмо не ко мнѣ, отвѣтилъ курьеру Суворовъ, я названъ фельдмаршаломъ, а если я фельдмаршалъ, мнѣ слѣдуетъ быть при войскѣ, а не подъ стражей въ деревнѣ“.

Слѣдствіемъ этого отзыва было требованіе Суворова въ Петербургъ.

— „Нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ, „я не поѣду! И если не могу уже быть полезнымъ чѣмъ нибудь другимъ, позвольте мнѣ удалиться въ монастырь и посвятить остатокъ дней

своихъ молитвѣ за Государя и отечество".

Его оставили было въ покоѣ. Но когда событія въ Европѣ быстро смѣнялись одно за другимъ, когда уже все готово было снова вспыхнуть кровавой бранью, Императоръ Павелъ пожелалъ видѣть Суворова. Онъ отправилъ къ нему собственноручно письмо. „Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ Васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ Вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а Ваше — спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствія Васъ видѣть".

Слезы радости потекли изъ глазъ Суворова, когда онъ прочелъ это

письмо. Онъ поцѣловалъ письмо, отслужилъ въ церкви молебенъ и отдалъ своему Прошкѣ письменный приказъ:

„Часъ собираться, другой отправляться. Дѣнегъ взять на дорогу 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да вѣдь я уже служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ.

Въ первыхъ числахъ Февраля по Петербургу мчалась почтовая кибитка, а въ ней сидѣлъ сѣдой старичекъ. Кибитка остановилась у Зимняго дворца. Старичекъ выскочилъ бодро и побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ. Черезъ часъ весь Петербургъ шумно заговорилъ: „Суворовъ пріѣхалъ“. Радость народа и войска была необыкновенная. Казалось

пріѣздъ Суворова ручался за побѣды.

Суворовъ со слезами упалъ къ ногамъ Государя. Императоръ поспѣшилъ поднять его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ. Павелъ собственноручно надѣлъ на Суворова орденъ Іоанна Іерусалимскаго Большаго Креста. „Боже спаси Царя“! проговорилъ Суворовъ.

— „Тебѣ спасать царей!“ отвѣчалъ ему Императоръ. Все царское семейство было необыкновенно ласково къ престарѣлому герою. Видя милости Государя, кто не льстилъ тогда Суворову? Народъ бѣгалъ за его каретой. Шутки Суворова приводили всѣхъ въ восторгъ. Изъявляя уваженіе немногимъ, Суворовъ не щадилъ остальныхъ.

Встрѣтясь во дворцѣ съ однимъ изъ выскочекъ, который униженно

раскланивался передъ нимъ, Суворовъ показывалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ поклоновъ, и раскланивался передъ лакеемъ.

— „Ваше Сіятельство не замѣчаете, что̀ кланяетесь лакею, сказалъ ему выскочка.

— „Лакею, лакею, помилуй Богъ!“ вскричалъ Суворовъ. „Вотъ вы теперь знатный человѣкъ, и я знатный, а онъ можетъ быть знатнѣе насъ будетъ! Надо же его задобрить!“

Другой разъ, явился къ Суворову одинъ изъ сильныхъ людей въ звѣздахъ и лентахъ. Суворовъ нѣсколько разъ спрашивалъ у него объ его имени, качалъ головой и повторялъ:

— „Не слыхивалъ, не слыхивалъ! Да за что-же васъ такъ пожаловали?

Тотъ бормоталъ что-то о милости, угожденіяхъ, ничего не говоря

о заслугахъ, которыхъ у него и не было.

— „Прошка“, закричалъ Суворовъ, „поди сюда, дуралѣй — поди, учись мнѣ угождать! Видишь, какъ за угожденія награждаютъ.“

Иныхъ приводилъ Суворовъ въ смущеніе, спрашивая, за что имъ данъ орденъ, чинъ, и говоря съ удивленіемъ: „Не слыхивалъ, не слыхивалъ!“

Глава VIII.

Изложивъ передъ Государемъ свои планы, выработанные въ уединеніи, въ Садовомъ домикѣ, Суворовъ поскакалъ въ Вѣну. Здѣсь онъ съ восторгомъ былъ принятъ Императоромъ и народомъ. Императоръ назначилъ его фельдмаршаломъ и положилъ 24,000 флориновъ жалованія. Черезъ нѣсколько дней Суворовъ отправился въ Италію къ арміи.

Французы представляли въ то время прекрасно вооруженное войско

численностью до двухсотъ тысячъ. Ими предводительствовали такіе отличные генералы какъ Моро, Макдональдъ, Массена, Бернадотъ. Не то было у австрійцевъ. Войско ихъ хотя по численности и не уступало французскому, но было плохо вооружено и имѣло такихъ неспособныхъ генераловъ, какъ Меласъ и Готцъ. Къ тому-же, много портилъ дѣло австрійскій Гофъ-кригсъ-ратъ (военный совѣтъ), въ которомъ засѣдали люди, знавшіе войну только по книгамъ. Гофъ-кригсъ-ратъ своими распоряженіями совершенно связывалъ руки австрійскимъ генераламъ, не дозволяя имъ шагу ступить безъ его разрѣшенія.

По плану Гофъ-кригсъ-рата соединенная австро-русская армія раздѣлялась на 6 корпусовъ. Одинъ австрійскій корпусъ, подъ началь-

ствомъ эрцъ-герцога Карла долженъ былъ дѣйствовать на Рейнѣ и въ Швейцаріи, другой долженъ былъ находиться въ Италіи.

Четыре русскихъ корпуса распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: одинъ подъ начальствомъ Суворова долженъ былъ дѣйствовать въ Италіи совмѣстно съ австрійцами; другой дѣйствовалъ въ Швейцаріи, и Корсаковъ принималъ надъ нимъ начальство; третій долженъ былъ овладѣть островомъ Мальтой; четвертый соединялся съ англичанами и дѣйствовалъ въ Нидерландахъ.

Суворовъ, принявши начальство надъ своимъ корпусомъ, по возможности старался дѣйствовать по своему плану, измѣнивъ планъ Гофъкригсъ-рата, непригодность котораго бросалась въ глаза.

Передъ этимъ австрійцамъ удалось разбить французскій корпусъ

генерала Шерфа. Суворовъ, явившись на арену военныхъ дѣйствій, началъ преслѣдовать разбитаго Шерфа. Но мѣсто неспособнаго Шерфа занялъ необыкновенно способный Моро.

У Моро былъ такой планъ: соединиться съ Макдональдомъ и совмѣстными силами дѣйствовать противъ Суворова. Но нашъ великій вождь разгадалъ хитрый планъ Моро и во что бы-то ни стало старался разбить каждаго изъ французскихъ генераловъ порознь, поручивъ въ то-же время Массена наблюденію эрцъ-герцога Карла, который долженъ былъ удерживать французскаго генерала.

Моро началъ отступать, желая соединиться съ Макдональдомъ. Моро думалъ перехитрить Суворова, но ему не удалось этого сдѣлать.

„Моро понимаетъ меня старика, говорилъ Суворовъ, а я радуюсь, что имѣю дѣло съ умнымъ полководцемъ. Но не тотъ уменъ, о комъ всѣ говорятъ, а тотъ, кого всѣ считаютъ дуракомъ“.

Суворовъ разрушилъ планъ Моро такъ быстро, какъ тотъ и предполагать не могъ. Совершивши быстрый переходъ, Суворовъ неожиданно явился предъ Макдональдомъ. Произошла ужасная трехъ-дневная битва при Требіи и Макдональдъ бѣжалъ съ жалкими остатками войска.

Побѣда Суворова не на шутку встревожила французское правительство. Оно выразило свое недовѣріе опытному Моро и на его мѣсто прислало Жуберта. Это былъ еще очень молодой, но подававшій блестящія надежды генералъ. Уѣзжая изъ Парижа онъ далъ слово своей прекрас-

пой женѣ побѣдить или умереть. Суворовъ при извѣстіи о назначеніи Жуберта сказалъ: „А, молодой человѣкъ пріѣхалъ къ намъ поучиться, что-же, поучимъ его“. И поучилъ! Сраженіе произошло при городкѣ Нови.

„Впередъ“ воскликнулъ Жубертъ и палъ пораженный пулей въ грудь. Начальство снова принялъ Моро.

Завязался страшный бой. Со стороны французовъ было желаніе отомстить за смерть молодаго Жуберта и умныя распоряженія Моро, со стороны русскихъ — военный геній Суворова и воодушевленіе солдатъ, увѣренныхъ въ томъ, что разъ съ ними Суворовъ, то и побѣда съ нимъ. Тридцать шесть часовъ продолжалась страшная, отчаянная борьба между Моро и Суворовымъ. Вдругъ Суворовъ велѣлъ произвести усиленное нападеніе на центръ. Здѣсь

начался самый страшный разгаръ битвы. Суворовъ самъ бросился въ ряды солдатъ. „Друзья богатыри! Дѣти! Ура! Съ нами Богъ!“ восклицалъ Суворовъ. Въ это время неожиданно въ тылу французовъ загремѣли баттареи. Нападеніе на центръ было усилено. Меласъ громилъ французовъ съ праваго крыла, Край съ лѣваго. Моро видѣлъ невозможность продолжать битву и отступилъ.

Такъ совершилось второе великое сраженіе и кончилось второе покушеніе непріятелей силою вырвать у Суворова побѣду. Въ обѣихъ сраженіяхъ геніальность Суворова проявилась во всемъ своемъ блескѣ. Принудивъ непріятеля къ битвѣ, Суворовъ одержалъ побѣду искуснымъ расположеніемъ войскъ, личною храбростью въ минуту опасности и вѣр-

но разсчитаннымъ ударомъ при окончаніи битвы.

Суворовъ получилъ небывалыя награды. Императоръ Павелъ изъявилъ свою благодарность престарѣлому герою присылкой ему своего портрета. „Пусть на груди вашей являетъ онъ признательность мою къ великимъ дѣламъ подданнаго, прославляющаго мое царствованіе“ писалъ Императоръ. Черезъ мѣсяцъ новая награда—княжескій титулъ съ наименованіемъ Свѣтлѣйшимъ и Италійскимъ, „да сохранится въ вѣкахъ память дѣлъ Суворова, въ четыре мѣсяца освободившаго Италію и возстановившаго царства и законныя власти“.—„Отецъ отечества! отвѣчалъ Суворовъ Императору,—„прими жертву благоговѣйной признательности — сердечное, слезное моленіе за тебя Богу и остатокъ дней моихъ“. Императоръ

отдалъ приказъ: „отдавать Свѣтлѣйшему князю Италійскому, графу Суворову — Рымникскому, даже и въ присутствіи Государя всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Его Императорскому Величеству!„ Король Сардинскій возвелъ Суворова въ Фельдмаршалы Сардинскихъ войскъ, съ титуломъ и степенью кузеновъ королевскихъ и грандовъ Сардинскихъ. Эта награда доставила особое удовольствіе Императору Павлу. Онъ писалъ Суворову: „радуюсь, что вы мнѣ дѣлаетесь роднею, ибо всѣ владѣтельныя особы между собою роднею почитаются“. Въ Лондонѣ въ честь Суворова выбиты были медали.

Въ то время какъ отовсюду на Суворова сыпались почести и награды, австрійское правительство, освободившись благодаря Суворова

отъ грозной опасности, начинало забирать себѣ всѣ плоды побѣдъ. Суворова крайне оскорбляло такое отношеніе къ великодушію Государя, пославшаго войска на помощь Австріи и войскъ, жертвовавшихъ жизнію на защиту австрійскихъ интересовъ. Гофъ-кригсъ-ратъ дѣйствовалъ лицемѣрно, желая загребать жаръ чужими руками.

„Гофъ-кригсъ-ратъ вяжетъ меня“, писалъ Суворовъ, прося у Павла увольненія себѣ. „Робость гофъ-кригсъ-рата, интриги и безвластіе, при требованіи доклада, заставляютъ меня просить объ отзывѣ“, объяснялъ Суворовъ. Только просьбы Императора заставили суворова остаться. Наконецъ дипломаты вѣнскіе занесли окончательный ударъ Суворову.

Въ то время, какъ онъ готовился къ завоеванію Генуи, онъ неожидан-

но получилъ отъ австрійскаго правительства приказъ сдать команду надъ австрійскими войсками Меласу, а самому съ русскими войсками идти въ Швейцарію, между тѣмъ какъ эрцъ-герцогу Карлу велѣно оставить Швейцарію. „Иду“, воскликнулъ съ горечью Суворовъ, „но горе тѣмъ, кто меня посылаетъ. Я билъ, но не добилъ французовъ, и злоумышленники раскаются, но поздно“.

Такъ кончилась Итальянская кампанія. Въ пять мѣсяцевъ Суворовъ очистилъ Италію отъ французовъ, разбивши ихъ въ двухъ большихъ и шести меньшихъ сраженіяхъ. Взято было 25 крѣпостей, три тысячи пушекъ, двѣсти тысячъ ружей и до восьмидесятитысячъ плѣнныхъ. Если-бы не коварство Австріи, то война скоро была бы перенесена во Францію, и Европа была-бы избавлена отъ хищничества французовъ и ужа-

совъ Наполеоновскихъ войскъ, поглотившихъ милліоны человѣческихъ жизней.

Суворовъ двинулся въ Швейцарію и походъ этотъ останется навсегда однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ военной исторіи.

Глава IX.

Своимъ швейцарскимъ походомъ Суворовъ пріобрѣлъ славу, „которою еще не доставало ему“,—„славу преодолѣть самую природу“, какъ говорилъ Суворову Императоръ Павелъ.

Суворовъ изъ Италіи отдалъ всѣ необходимыя распоряженія относительно похода въ Швейцарію, въ эту страну неприступныхъ горъ и бездонныхъ пропастей. Но Суворовъ боялся, что австрійцы по своей дву-

личности постараются задержать его. Дѣйствительно, такъ и случилось. Въ назначенныхъ мѣстахъ должны были находиться мулы для перевозки по горамъ орудій и запасовъ. Оказалось, что ни мулы, ни запасы не были приготовлены. Въ ожиданіи того и другаго было потеряно цѣлыхъ пять дней. „Боже мой! восклицалъ Суворовъ, — „неужели они думаютъ, что Массена будетъ ждать насъ! Пока мы собираемся, онъ отдѣльно разобьетъ Корсакова, Готца и Конде!“ Наконецъ, Суворовъ рѣшился начать походъ, не дожидаясь муловъ.

Зрѣлище невиданныхъ горъ, съ ихъ льдами, водопадами, пропастями, при недостаткѣ запасовъ, утомленіе и мысль, что черезъ эти горы должно проходить и сражаться съ непріятелемъ, поражающимъ изъ-за каменьевъ и засадъ, гдѣ каждый вы-

стрѣлъ смертелопъ, это зрѣлище ужаснуло безстрашныхъ воиновъ Суворова. Они роптали. „Что онъ дѣлаетъ съ нами? говорили солдаты. Онъ изъ ума выжилъ! Куда онъ насъ завелъ!“ Суворовъ узналъ о недовольствѣ солдатъ. Немедленно отдалъ приказъ выстроить полки, и велѣлъ рыть могилу. Наконецъ явился самъ Суворовъ и сталъ упрекать солдатъ въ малодушіи. „Вы безславите мои сѣдины“, вскричалъ онъ, „я водилъ къ побѣдамъ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои, я не отецъ вашъ. Ройте мнѣ могилу! Положите меня въ могилу! Я не переживу моего стыда и вашего позора!“ Съ этими словами Суворовъ побѣжалъ къ могилѣ. Солдаты заплакали. „Отецъ нашъ, веди насъ, веди,—умремъ съ тобою“. Толпой бросились они къ Суворову, падали на колѣни, цѣловали руки его. И никакія опасности,

никакія ужасы горной войны уже не страшили ихъ.

Около одного горнаго монастыря произошла первая стычка съ французами, окончившаяся побѣдою русскихъ. При входѣ въ монастырь Суворова встрѣтилъ аббатъ и затѣмъ отслужилъ въ церкви молебенъ.

Здѣсь было только начало трудовъ и опасностей. На вершинѣ С. Готарда находится страшная пропасть, черезъ которую ведетъ единственный мостъ, устроенный самой природой. Онъ называется „Чортовъ мостъ.“ Съ ужасомъ увидали русскіе, что мостъ разрушенъ непріятельскимъ огнемъ, солдаты набрасывали доски, связывали ихъ офицерскими шарфами и по горящимъ бревнамъ начали переходить страшную пропасть. Люди, лошади и пушки летѣли въ пропасть. Маіоръ князь Мещерскій, смертельно раненый, успѣлъ только

вскрикнуть: „Товарищи! не позабудьте меня въ реляціи!“ Штыками прокладывали себѣ русскіе герои дорогу. Путь былъ очищенъ!

Спустившись съ Швейцарскихъ высотъ Суворовъ получилъ страшное извѣстіе, что Корсаковъ и Готцъ разбиты Массеною. Опасенія Суворова оправдались. Онъ съ горемъ воскликнулъ: „Готцъ! Да они-же привыкли—ихъ всегда били. А Корсаковъ, Корсаковъ.—30 тысячъ, и такая побѣда равнымъ числомъ непріятеля“. Сбылись его предчувствія, безполезными явились труды, поспѣшность похода, мужество русскихъ.

Не болѣе 20 тысячъ оставалось у Суворова, безъ запасовъ, безъ артиллеріи, безъ одежды. Идти въ такомъ состояніи на встрѣчу побѣдителя, втрое болѣе многочисленнаго, значило-бы вести войско на

явную гибель. Оставалось одно — отступать. Раздѣливши войско на двѣ части, Суворовъ поручилъ одну генералу Розенбергу и сталъ отступать къ Рейну. 19 сентября на отрядъ Розенберга напалъ Мортье съ 8.000 французовъ, но былъ отбитъ. На другой день самъ Массена возобновилъ нападеніе. Русскій штыкъ и здѣсь не посрамилъ себя. Непріятель былъ прогнанъ. Въ два дня битвъ французы потеряли убитыми генерала Лягурье и болѣе 4,000 офицеровъ и солдатъ; въ плѣнъ взяты были генералъ Лекурбъ и до 3,000 офицеровъ и солдатъ.

Эта битва была послѣднею. По соединеніи съ Розенбергомъ Суворовъ ночью началъ отступленіе по непроходимымъ дорогамъ и достигъ Каира. Непріятель преслѣдовалъ рус скихъ, но еще разъ разбитый Ба-

гратіономъ, спокойно смотрѣлъ на наше отступленіе.

Такъ кончился походъ Суворова въ Швейцарію, и—послѣдній подвигъ Суворова былъ довершенъ. Какъ раненый левъ, онъ вырвался и ушелъ съ остаткомъ храбрыхъ воиновъ отъ многочисленнаго непріятеля. Французы овладѣли Швейцаріей, они побѣждали вездѣ, гдѣ не было Суворова. Суворовъ потребовалъ помощи отъ эрцъ-герцога Карла. Карлъ отвѣчалъ, что не можетъ оставить Рейна и предложилъ Суворову охранять Австрійскія границы. „Воиновъ, увѣнчанныхъ побѣдами и завоеваніями, дерзаютъ назначить пограничными сторожами!“ въ негодованіи писалъ Суворовъ Растопчину.

Награды Суворову и войску были знаками царской милости. 29 октября 1799 года Суворовъ пожало-

ванъ былъ генералиссимусомъ российскихъ войскъ, достоинство, котораго никто ни прежде его, ни послѣ не получалъ.

„Всюду и всегда побѣждали вы враговъ", писалъ Императоръ Павелъ, „и вамъ недоставало одной славы—побѣдить природу. Ставя васъ на высшую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ."—„Этого много для другихъ", говорилъ Императоръ Растопчину, „а для него мало: онъ достоинъ быть ангеломъ". Тогда же велѣлъ Императоръ воздвигнуть памятникъ Суворову въ Петербургѣ. Уваженіе Императора къ Суворову не имѣло границъ.

Послѣ удаленія Суворова изъ Швейцаріи, дѣла австрійцевъ пошли значительно хуже. Австрійцы упрашивали Суворова возвратиться

на поля битвъ. Эрцъ-герцогъ нѣсколько разъ просилъ о личномъ свиданіи съ русскимъ героемъ. Суворовъ готовъ былъ вернуться, но уже не вѣрилъ словамъ, а на дѣлѣ не видалъ прямодушія со стороны австрійцевъ и упорно отказывался видѣться съ эрцъ-герцогомъ. Къ тому-же и русскій Императоръ, возмущенный коварствомъ и двуличностью австрійскаго правительства, рѣшился отозвать русскія войска. „Идите“, писалъ ему Императоръ, „пусть узнаютъ, каково быть оставляему на побіеніе. Храните войско мое! Вижу, что безъ васъ ему не побѣждать“.

Видя совершенный разрывъ, австрійское правительство прибѣгло съ просьбами къ Суворову. Императоръ Францъ въ письмѣ просилъ его повременить походомъ въ Рос-

сію. Суворовъ готовъ былъ медлить, не смотря на приказъ своего Государя; онъ надѣялся, что Императоръ Павелъ поколебается предъ неотступными просьбами родственной тогда русскому царствующему дому Австріи.

Суворовъ не ошибся. Павелъ согласился оставить свои войска съ условіемъ, чтобы союзники дѣйствовали по его планамъ и всѣ союзныя войска были поручены Суворову. Австрійское правительство оскорбилось такими условіями, слѣдствіемъ чего былъ полный разрывъ съ Австріей.

Суворовъ повелъ войска въ Россію. Походъ былъ черезъ Баварію, Богемію и австрійскую Польшу въ Литву. Въ Аугсбургѣ прислали къ нему почетную стражу. „Меня охраняетъ любовь народная“, сказалъ

Суворовъ, отсылая ее. Въ городкѣ Вишу хоръ дѣтей пропѣлъ въ честь его гимнъ. Суворовъ прослезился, перецѣловалъ маленькихъ пѣвцовъ, усадилъ ихъ за столъ, подчивалъ, самъ пѣлъ съ ними.

Въ Нейтитчинѣ, гдѣ похороненъ Лаудонъ, славный австрійскій полководецъ, Суворовъ хотѣлъ видѣть его гробницу. Читая длинную надгробную надпись, Суворовъ сказалъ: „Къ чему такая длинная надпись? Завѣщаю тебѣ волю мою", обратился онъ къ своему секретарю Фуксу, „на моей гробницѣ написать только три слова:

Здѣсь лежитъ Суворовъ.

Въ Прагѣ долго прожилъ Суворовъ, здѣсь же онъ помолвилъ сына своего съ принцессою Курлянд-

скою. Суворовъ праздновалъ здѣсь русскія святки, заводилъ святочныя игры, жмурки, самъ пѣлъ, плясалъ, водилъ хороводы, заставлялъ нѣмцевъ выговаривать трудныя русскія слова.

Между тѣмъ Императоръ Павелъ призывалъ Суворова, хотѣлъ видѣть и почтить героя. „Спѣшите ко мнѣ, писалъ онъ, не мнѣ тебя награждать, герой, но мнѣ чувствовать и цѣнить твои дѣла, отдавая тебѣ должное“.

Въ Прагѣ Суворовъ трогательно простился съ своимъ войскомъ. Слезы душили престарѣлаго героя и онъ ничего не сказалъ своимъ чудо-богатырямъ.

Въ Краковѣ Суворовъ тяжко заболѣлъ. Встревоженный Императоръ прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта, который засталъ

Суворова въ его помѣстьи—Кобринскомъ.

Никогда не терпѣвшій лѣкарствъ, Суворовъ лѣчился по своему. Его посылали на воды. Онъ съ гнѣвомъ отвѣтилъ: „Помилуй Богъ, посылайте на воды здоровыхъ богачей, игроковъ, а я боленъ не шутя. Мнѣ надобны: деревенская изба, молитва, баня, кашица да квасъ“. Суворову предписано было потеплѣе одѣваться. „Я солдатъ!“ возражалъ онъ.—„Вы генералиссимусъ,“ сказалъ ему Вейкартъ. Никакъ не могли уговорить его ѣсть въ постъ скоромное. Вейкартъ безпрестанно сердился на него. За то Суворовъ заставлялъ его говорить по русски, ходить въ церковь, ѣсть постное.

Здоровье Суворова настолько было поправилось, что Вейкартъ позволилъ ему ѣхать—въ каретѣ, на

пуховикахъ, и не болѣе 25 верстъ въ день. Императоръ готовилъ ему торжественную встрѣчу съ колокольнымъ звономъ. Суворовъ горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе пріѣхать въ столицу. Какъ вдругъ, новый и послѣдній ударъ! Императоръ внезапно измѣнилъ милости и расположеніе къ герою.

Между тѣмъ страдающій Суворовъ медленно подвигался къ Петербургу—не такъ онъ ходилъ съ войсками на непріятеля!

Тихо, безъ торжества въѣхалъ Суворовъ въ столицу, и не во дворцѣ, какъ предполагалось прежде, а въ домѣ родственника своего остановился страдалецъ, мучимый смертельнымъ недугомъ.

Недолго прожилъ Суворовъ въ Петербургѣ. Медленно, тихо, безропотно угасалъ герой. Постепенно

терялъ онъ память. Чувствуя приближеніе смерти, Суворовъ призвалъ священника, исповѣдался, причастился и простился съ окружающими. Ночью на 6-ое Мая имъ овладѣлъ предсмертный бредъ. Лежа въ забытьи, онъ говорилъ что-то. Могли разслушать слова: „Генуя... Сраженіе... Впередъ!“ Видно было, что Суворову мечтались битвы, что онъ отдавалъ приказы войску. Къ утру онъ смолкъ, а въ 12 часовъ пополудни, 6-го Мая 1800 года не стало Суворова.

Вѣсть о смерти Суворова произвела глубокое впечатлѣніе въ столицѣ, войскѣ и во всей Россіи. Солдаты, его чудо-богатыри, товарищи и свидѣтели битвъ при Козлуджи, Измаилѣ, Прагѣ, Нови, Требіи и многихъ другихъ, неутѣшно плакали!

На другой день толпы народа тѣснились около дома, гдѣ скончался герой и съ благоговѣніемъ входили въ комнату, гдѣ лежалъ покойный Суворовъ. Блѣдное лицо его носило печать глубокаго спокойствія. Онъ казался спящимъ. Кругомъ лежали ордена и знаки отличій.

9 Мая при многочисленномъ стеченіи народа, чиновниковъ и духовенства, тянулся похоронный поѣздъ Суворова къ Александро-Невской Лаврѣ. Народъ громко плакалъ, провожая своего героя.

Въ воротахъ Лавры шествіе остановилось. Думали, что высокій балдахинъ не пройдетъ въ ворота. „Не бойтесь! Пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ!“ воскликнулъ какой-то старый унтеръ-офицеръ.

По восшествіи на престолъ Императора Александра повелѣно было воздвигнуть Суворову памятникъ. Памятникъ этотъ отлитъ изъ бронзы и торжественно открытъ въ 1801 году, на Царицыномъ Лугу. Впослѣдствіи его перенесли на площадь, близь Троицкаго моста, названную Суворовскою. Суворовъ изображенъ въ видѣ рыцаря, закрывающаго щитомъ жертвенникъ, на которомъ находятся двѣ короны и тіара. Это значитъ, что своимъ оружіемъ и побѣдами онъ защитилъ власть Австрійскаго Императора, Сардинскаго короля и Римскаго Папу. На щитѣ— гербъ Россіи. Правой рукой Суворовъ держитъ мечъ и готовъ защи-

щать короны и тіару, прикрытыя его щитомъ. На пьедесталѣ находится надпись на бронзовой доскѣ: Князь Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій. 1801.

КОНЕЦЪ.

